

СЕМЬЯ И МЕЗАЛЬЯНС В РОМАНЕ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО «НАД НЕМАНОМ»

Е. И. Билютенко

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Республика Беларусь
elenabilutenko@mail.ru*

В статье, написанной на материале одного из лучших романов Элизы Ожешко, рассматривается социальная проблема семьи и мезальянса, которую автор тесно связывает с проблемой эмансипации женщины и социальной интеграции. Пытаясь предугадать новое, интегрированное, демократическое общество, Ожешко делает землю «над Неманом» местом актуализации мифического мезальянса шляхты и крестьянства в современности как архетипа народа. Семейный союз главных героев лирического плана романа приобретает историческую значимость.

Ключевые слова: Элиза Ожешко; «Над Неманом»; семья, социум; мезальянс; миф; интеграция.

FAMILY AND MESALLIANCE IN ELIZA OZHESZKO'S NOVEL "ABOVE NEMAN"

E. I. Biliutenko

*Janka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus
elenabilutenko@mail.ru*

The article, written on the basis of the best Eliza Ozheshko's novel, examines the social problem of the family, which the author closely links with the problem of misalliance, emancipation and social integration. Trying to predict a new, integrated, democratic society, Ozheshko makes the land "above the Neman" a place of actualization of the mythical misalliance of the gentry and the peasantry in the modern age of the archetype of the people. The family union of the main characters of the lyrical plan of the novel acquires historical significance.

Key words: Eliza Ozeshko; "Above Neman"; family, society; misalliance; emancipation; myth; integration.

Шестого июня 2021 года исполнилось 180 лет со дня рождения Элизы Ожешко. В предисловии к последнему белорусскому изданию романа «Над Неманом» Владимир Казберук¹ пишет о большом уважении, которое писательница заслужила в белорусской культуре. В Беларуси Э. Ожешко помнят и чтут. Особенно в Гродно, где она жила и творила начиная с 1869 г., поднимая животрепещущие общественные проблемы и давая как на страницах своих произведений, так и в жизни уроки высокого гуманизма. Лучшие произведения самой знаменитой гродненской писательницы до сих пор будят живые эмоции читателей. Ее романы, повести, новеллы постоянно переводятся, в том числе и на белорусский язык.

Социально-бытовой роман «Над Неманом» (1887), вобравший все предшествующие художественные достижения Ожешко, критики относят к лучшим произведениям зрелого польского реализма [5, с. 423]. Не случайно сама писательница называла его самым большим своим триумфом. Роман «Над Неманом» занимает центральное место в творческом наследии

¹ Роман «Над Неманом» в переводе Анатоля Бутевича напечатан в 2003 г. издательством «Мастацкая літаратура».

Ожешко. В нем поднимались важнейшие для политически несвободного польского общества проблемы: верность родному языку и родной земле, память о далекой истории и недавнем прошлом, проблема социальной интеграции, проблема семьи и эмансипации женщины.

В статье «Второе десятилетие – 1840–1850» (1880), посвященной произведениям Ю. И. Крашевского о современности, писательница требовала подчинения концепции картины мира в художественном произведении социальной проблематике. По ее мнению, спецификой реалистической прозы должно было стать пристальное внимание к общественным явлениям, поиск причины которых следовало искать во всех элементах, формирующих природу и судьбы общества: в его представлениях, духовной жизни, историческом наследии, в национальном характере. Стремление изображать в художественном произведении различные пласты общественной жизни определяло круг вопросов, которые должны были стать основным объектом наблюдения и исследования. Этим требованиям Э. Ожешко подчинила и собственное творчество, в том числе и роман «Над Неманом».

Не случаен был выбор первоначального заглавия романа – «Мезальянс». Удовлетворяющее всем вышеперечисленным требованиям, оно связывалось с важнейшими для писательницы «социальными детерминантами». Позднее, назвав свой роман «Над Неманом», Ожешко сознательно подчеркнула мотив Немана как еще более универсальный, в большей степени концентрирующий идейно-тематическое богатство произведения. Вместе с тем проблемы семьи и мезальянса, неразрывно связанные с идейным содержанием романа, играют важнейшую роль в концепции художественной действительности и имеют многоуровневый характер.

В истории литературы обращение к мезальянсу, как правило, было связано с постулатом равенства, преодолением кастовых ограничений и отказом от косности социального мышления. «Сердца, для которых социальные барьеры перестают существовать уже в конце XVIII века в связи с интенсивным развитием сентиментализма, – пишет профессор Ю. Бахуж, – всегда бились демократично, антифеодално, антикупечески» [1, с. LXXX]. Тематику мезальянса популяризировали романтики, боровшиеся за любовь, не признававшую власти золота и общественных условностей. В качестве примеров можно вспомнить знаменитый монолог героя А. Мицкевича Густава из четвертой части «Дзядов» или драму Яцека Соплицы и Евы Горешко в «Пане Тадеуше». Тема мезальянса остается художественно значимой и в эпоху реализма. Не случайно она присутствует как одна из главных в знаковом произведении польской литературы эпохи – романе Болеслава Пруса «Кукла».

За романом «Над Неманом», построение которого опирается на связь истории и современности, в польском литературоведении прочно закрепилось определение «эпос». В романе, воплощающем исторические судьбы народа, писательница пытается осознать современность и предугадать будущее. При этом мотив мезальянса в построении произведения и проблема семьи, основанной на мезальянсе, в идейном звучании произведения играют важнейшую роль. Художественное решение этих проблем Ожешко тесно связывает с концепцией хронотопа.

Учитывая, что современность в романе постоянно «глядится в зеркало истории» (Юзеф Бахуж), можно говорить о представлении мезальянса в романе в нескольких временных измерениях. Во-первых, во времени легенды XVI в. Околица Богатыровичи появилась благодаря мезальянсу Яна и Цецилии – легендарных прародителей родового гнезда, протопластов самой «польскости» на земле над Неманом. Как следует из легенды, рассказанной Анзельмом Богатыровичем, мужчина происходил из простого народа, а женщина – из богатой семьи. Любовь, соединившая их, дала мужество восстать против общественного мнения. Во имя этой любви они не побоялись тяжелого труда, пошли за голосом сердца – и победили. В литературной легенде, созданной, скорее всего, самой писательницей, Ожешко подчеркивает, что только из союза сердца и совести рождается подлинная мудрость, в то время как рассудочность прочно связана с условностями.

Ян и Цецилия положили начало доброму делу. Королевское признание их заслуг можно и нужно прочесть как похвалу авторитету народа и благотворности последствий этого мезальянса. В легенде смысловую нагрузку несет каждый ее элемент. Символично, что род Богатыровичей берет свое начало не от воинов, что предполагает этимология слова «богатырь»¹. Основателей рода – Яна и Цецилию – соединили любовь, мужество и труд,

¹ По М. Фасмеру *богатырь* восходит к др.-тюрк. *Bayatur*, что означает «смелый, военачальник». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986. – Т. 1, с. 183; аналогичное толкование

приравненные к ратному подвигу. Важно, что у них родилось шесть сыновей и шесть дочерей: число двенадцать символизирует вселенскую гармонию. Наднеманская могила легендарных прародителей становится символом важнейших для писательницы начал: любви, труда, демократизма и патриотизма, – как наиболее важных мотивов в идейном звучании романа. И не важно, существует аутентичное захоронение или нет. Право легенды – не считаться с фактами, так как ее задача связана не с записью необратимого движения истории, а с выражением стремлений, потребностей общества во время острой необходимости укрепить сердца, когда действительность отбирает у людей всякую надежду. Легенда уводит читателей от обыденности, банальности [2, с. 58–59]. Такова гербовая легенда рода Богатыровичей, приобретающая в романе статус мифа. Семейный союз Яна и Цецилии, основанный на мезальянсе, – это художественно созданный символ архетипа польского народа.

Главных героев лирического плана – Яна Богатыровича и Юстыну Ожельскую – писательница поведет по стопам героев этого мифа, с самого начала наделяя их сходством с легендарными протопластами. При этом используется прием параллелизма, подчеркивается сходство социального положения мужчины и женщины. Ян из народа, а Юстына хотя и обедневшая, но все-таки шляхтянка и имеет более высокий социальный статус. Как и в представлении легендарных Яна и Цецилии, в характеристике Яна и Юстыны полностью отсутствуют отрицательные качества. Герои физически и нравственно совершенны. Иначе и быть не может: реактуализируя миф в современности, Ожешко делает героев носителями важнейшей для писательницы идеи социальной интеграции.

Уход Юстыны из дворянского поместья в мужицкую хату Анзельма и Яна Богатыровичей не означает у писательницы социальной и тем более нравственной деградации героини.

Юстына живет на правах бедной родственницы в поместье Корчинских, задыхаясь в «патогенном» пространстве салона Эмилии Корчинской, где царит праздность, разыгрываются пошлые флирты и где она чувствует себя как в клетке. Именины Эмилии в начале романа используются писательницей, чтобы показать поместную шляхту и аристократию. Здесь, за именинным столом, на Юстыну пристально смотрят двое мужчин-соперников. Взгляд недавно женившегося на юной аристократке и уже пресыщенного ее любовью Зыгмунта Корчинского, который хочет вернуть любовь преданной им красавицы кузины, – тяжелый, хмурый, упрекающий. Вначале скучающий взгляд аристократа Теофиля Ружица постепенно становится всё более заинтересованным, а после дозы морфия – назойливым. Его беспардонные ухаживания оскорбляют девушку, а прикосновения худых рук заливают ее лицо румянцем и заставляют уйти.

Полевая тропинка-символ, ведущая через «бор» созревающей ржи, навсегда уводит героиню из прежней жизни, от всего, что «мучило, ранило и унижало» [7, с. 76], где она была «Бог весть чем», где речи быть не могло о семейном союзе с сыном аристократки и где ей постоянно напоминали о статусе приживалки. Ожешко настойчиво подчеркивает, что в жизни салонного общества нет места добродетели и любви. Среди тех, от кого уходит Юстына, нет счастливых людей.

То, что отсутствует в дворянском поместье, героиня находит в Богатыровичах – анклав свободы и нравственного здоровья, где разделение ролей на женские и мужские выглядит... совершенно обоснованным. Оно соответствует природе и проверено многими поколениями» [1, с. LXXXIV]. Здесь, в Богатыровичах, Юстына узнает и полюбит Яна, который станет ее мужем.

Чеслав Милош не случайно назвал роман «Над Неманом» «трактатом об отваге» [6, с. 355]. Свою героиню лирического плана писательница поставила в ситуацию трудного выбора, от которого зависит ее судьба и который действительно требует от нее мужества. Писательница старается реалистически мотивировать выбор своей героини между богачом-аристократом Теофилем Ружицем и почти мужиком Яном Богатыровичем в пользу Яна.

Образ избранника Юстыны Ожешко создает на основе принципа контраста. «Красивый и добрый, высокий и... складный», Ян кажется Юстыне «олицетворением смелости» и «зрелой мужской силы» [6, с. 83]. Сам вид его действует на Юстыну как лекарство. В то время как Ружиц – наркоман, щеголь с болезненным телом, атласными руками и расстроенными нервами – вызывает смущение и неприязнь. Героиня выбирает себе в мужа

«храбрый, воин» находим у Н. Шанского в «Кратком этимологическом словаре русского языка» (М., 1971, с. 50); и наконец, в современном русском языке *богатырь* толкуется как «воин, отличающийся необычной силой, мужеством и умом» (Словарь русского языка в 4 т. – М., 1985. – Т. 1, с. 101).

сильного, физически и нравственно красивого мужчину. А Богатыровичи становятся для нее превосходной душевной терапией. Здесь она впервые дышит полной грудью. Здесь ей будут обеспечены защита человеческого достоинства и чувство безопасности. Следуя идее самоограничения, героиня, воплощающая здоровую и полную силы женскую красоту, делает «разумный» выбор: она отвергает «блестящую партию» – мезальянс с аристократом, отказывается от высокого положения в свете и выходит замуж за хлебороба. Зыгмунт называет ее выбор «безнравственным» мезальянсом.

Продиктован ли этот выбор Юстыны самоограничением сферы личной свободы? Безусловно. Ожешко хорошо чувствовала пульс «нравственной жизни» эпохи позитивизма [6, с. 425]. Но представляется излишне категоричным утверждение некоторых исследователей, что чувства героев подчинены этике долга, а любовь служит только идее и что герои в «Над Неманом» «зависли между нечеловеческим самопожертвованием и нечеловеческой холодностью, официальностью» [3, с. 284]. В своем выборе героиня руководствуется феноменами веры, надежды, любви и – совести. Юстына выбирает единственное искреннее и нравственное чувство – любовь Яна. Будет ли эта любовь для нее счастливой? Станет ли фундаментом мудрой эволюции жизни? Однозначного ответа Ожешко не дает. Но, выбирая Яна, героиня защищается от всего, что не соответствует ее представлениям о том, кто она есть и кем хочет быть.

Этот мезальянс героев лирического плана в романе не единственный. В историческом времени, связанном с 1863 г., это несостоявшийся союз Анзельма и Марты, определивший драматизм их судеб. В глазах соседей мезальянсом было замужество вдовы Анджея Корчинского – дворянки с аристократическим образованием и воспитанием, а также большими связями. Из всех добивавшихся «ее сердца, руки и приданого она избрала наименее богатого, носившего наиболее скромную фамилию» [7, с. 234]. Но этот семейный союз был основан на большой любви, и она была очень счастлива, потому что вышла замуж за любимого человека – умного, энергичного, мужественного, хотя и принадлежавшего к более низким слоям шляхты.

Можно предположить, что в будущем Витольд Корчинский и Марыня Кирло будут вместе. И хотя этот мезальянс не столь вызывающий, как у Юстыны с Яном, но все-таки мезальянс, поскольку различия в имущественном статусе у них весьма значительные. А шляхтянка пани Кирло говорит Юстыне, что пришлет ей в помощницы свою дочь Рузю, чтобы она тоже позднее нашла свою судьбу среди Богатыровичей.

Во времени действия в романе (романном «сейчас») мезальянсом является и брак Ладыся Богатыровича с мужичкой. Их социальный статус тоже очень различен. Хотя у жителей околицы «одна нога в сапоге, а другая в лапте» (А. Мальдис), но Богатыровичи – это потомки первых, легендарных переселенцев и только по образу жизни ничем не отличаются от крестьян и похожи на простой деревенский люд. Богатыровичи никогда не знали вековой крепостной неволи, низводившей человека до положения скота. Они сохранили чувство собственного достоинства, ценят независимость и уважают труд, преобразовавший некогда дикую приеманскую пушу. Ожешко подчеркивает эти черты в своих героях, особенно в Яне, делая его еще более привлекательным для Юстыны.

Таким образом, мезальянс Яна и Юстыны как главных героев любовной линии сюжета отражается в романе в целой системе мезальянсов-зеркал – прошлых, настоящих и будущих. Мезальянсы складываются в своеобразную диаграмму. При этом писательница, говоря о чувствах героев, подчеркивает социальную предпочтительность таких союзов, в основе которых не только голос сердца, но и совести.

Итак, тема семьи и мезальянса в романе «Над Неманом» связана с одной из важнейших проблем – проблемой социальной интеграции. Польский романтик Юлиуш Словацкий, мечтая о будущем своего народа, писал о величественном монументе, высеченном из монолита. Спустя полвека реалистка Э. Ожешко попыталась предугадать новое, интегрированное, демократическое общество, сделав землю «над Неманом» местом актуализации мифического мезальянса Яна и Цецилии (шляхты и крестьянства) в современности как архетипа народа. Семейный союз главных героев лирического плана романа приобретает историческую значимость.

Библиографические ссылки

1. Bachórz, J. Wstęp // Orzeszkowa, E. Nad Niemnem. – Wrocław: Ossolineum, 1996. – Т. 1. – S. III – CXLVI.

2. Bachórz, J. Jak pachnie na Litwie i inne studia o romantyzmie / J. Bachórz. – Gdańsk, 2003. – 345 s.
3. Borkowska, G. Cudzoziemki. Studia o polskiej prozie kobiecej / G. Borkowska. – Warszawa: PAN, 1996. – S. 149–181.
4. Бородин, А. А. Экзистенциально-аксиологические проблемы в творчестве Э. Ожешко / А. А. Бородин // Wokół „Nad Niemnem” / pod red. J. Sztachelskiej. – Białystok, 2001. – С. 11–23.
5. Brzozowski, S. Eliza Orzeszkowa / S. Brzozowski // Eseje i studia o literaturze. T. 1. – Kraków: Ossolineum, 1990. – S. 422–430.
6. Miłosz, Cz. Historia literatury polskiej do roku 1939 / Cz. Miłosz. – Kraków: Czytelnik, 1996. – 472 s.
7. Ожешко, Э. Над Неманом / Э. Ожешко; пер. с пол. В. Лаврова. – Минск: Нар. асвета, 1985. – 383 с.

УДК 821.162.3

НАВАТАРСТВА РАМАНА “МАЛАДУШНЫЯ” ЧЭШСКАГА ПІСЬМЕННІКА ЁЗАФА ШКВОРАЦКАГА

А. У. Вострыкава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Мінск, Рэспубліка Беларусь
vostrikova72@mail.ru*

У артыкуле аналізуецца першы раман чэшскага пісьменніка другой паловы XX ст. Ёзафа Шкворацкага “Маладушныя”, які прадэманстраваў сваё наватарства ў часы, калі насаджаўся сацыялістычны рэалізм у чэшскай літаратуры. Наватарства выявілася праз інтэрпрэтацыю ваеннай тэмы, а таксама адметнасці кампазіцыі і стыль. Іронія, дэградацыя, гутарковая мова, шырокае выкарыстанне дыялогаў у рамане – менавіта праз гэтыя мастацкія элементы Шкворацкі дае экзистэнцыяльнае бачанне рэчаіснасці і гістарычных падзей вачамі маладога джазмэна Данні Сміржыцкага, якога можна лічыць alter ego самога аўтара. Названыя мастацкія дамінанты і становяцца прадметам літаратуразнаўчага разгляду ў артыкуле.

Ключавыя словы: Шкворацкі; раман “Маладушныя”; наватарства; іронія; дэградацыя; уплыў амерыканскай літаратуры.

INNOVATION OF THE NOVEL “THE COVARDLY” BY THE CZECH WRITER JOSEF SHKVORECKI

E. V. Vostrikova

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
vostrikova72@mail.ru*

Article analyzes the first novel of the Czech writer of the second half of the 20 century, Josef Shkvoretsky, “The Cowardly”, who demonstrated his innovation at a time when socialist realism was implanted in Czech literature. Innovation manifested itself in the interpretation of the military theme, as well as in the peculiarities of composition and style. Irony, degeroization, spoken language, wide use of dialogues in the novel – through these artistic elements Shchvoretzky offers an existential vision of reality and historical events through the eyes of the young jazzman Danny